

Воспоминания подошли к концу.

Обретённое мной с таким трудом счастье вот так по капле улетучивалось.

Я неподвижно лежала, уставившись пустым взглядом в потолок.

Потолок стерильной лаборатории был мертвенно-бледным, прямо над головой висела слепящая лампа дневного света, и мне безумно хотелось закрыть глаза.

Кляп во рту намертво распирает мне челюсть, впиваясь в десны и делая каждый вдох мучительно трудным.

Я лизнула железную пластину кляпа, та жестоко давила на язык, не позволяя даже слегка согнуться.

Зачем на меня надели эту штуку?

Ах, вспомнила. Когда меня только привели сюда, я до крови искусала трех приблизившихся ко мне исследователей в белых халатах.

Мои конечности были накрепко прикованы холодными, прочными ремнями к металлическому столу, плоть на запястьях и щиколотках стянуло тугими тисками, от долгого заточения кости были тупой, распирающей болью, и плотная пелена дискомфорта расплзалась по всему телу.

Я уже не могла сосчитать время, лишь смутно догадывалась, что пробыла здесь уже целых несколько дней.

Тяжелую герметичную дверь кто-то легонько толкнул снаружи, и в помещение вошли два исследователя в глухих защитных костюмах, масках и защитных очках.

Волнистая волна прохладного, пахнущего хлоркой воздуха из коридора ворвалась в комнату, разогнав спертую духоту лаборатории и заставив онемевшую от холода кожу резко сжаться.

Они подошли, двигаясь механически и равнодушно, и прямо вместе с краем операционного стола выкатили наружу девушку, скованную железными цепями и лишенную возможности пошевелиться.

Раздался глухой щелчок холодных металлических застежек, и исследователь, протянув руку, снял тяжелый кляп с моего рта.

Протянулась рука в стерильной резиновой перчатке, кончиками пальцев придерживая тонкий

и холодный металлический зажим, раздвинувший мне рот, и осторожно зажала кончик моего языка — ледяной, переворачивая его из стороны в сторону и внимательно осматривая, дюйм за дюймом проверяя слизистую на наличие следов самоповреждений или укусов.

Мгновение спустя один из исследователей заговорил негромко, его тон звучал так безразлично, будто он сверял холодные данные эксперимента:

— Полость рта цела, следов членовредительства нет, тест на подчинение пройден. Странно, ее организм, похоже, полностью выработал устойчивость к обычным анестетикам.

Другой исследователь равнодушно отозвался на это, не отрывая взгляда от моего тела — в нем не было ни капли человеческого сочувствия или жалости, лишь ледяное равнодушие, с каким осматривают подопытный предмет:

— Среди тех, кого отобрали на роль ключевых подопытных, нет ни одного нормального человека, так что иметь некоторую аномальную резистентность вполне естественно.

Они переговаривались полупшепотом, снова и снова изучая взглядами мое бьющееся в судорогах, напряженное тело, и на дне их глаз плевался лишь чистый анализ данных и наблюдения.

— Приготовьтесь к завершению и приступайте к официальной фазе эксперимента. Наденьте на нее кляп.

— ...И в этот раз опять без наркоза?

Все нервы в моем теле натянулись до предела, остатки инстинкта самосохранения заставили меня изо всех сил приоткрыть пересохшие губы, желая закричать, взмолиться, дать отпор.

Однако онемевшее, опухшее горло давно утратило способность издавать звуки, и на пике ужаса и напряжения в груди рождались лишь прерывистые, глухие хрипы — слабые и беспомощные, они растворялись в холодном воздухе.

Без всякой анестезии или обезболивания холодные инструменты хирурга вскрыли мою кожу.

Острые лезвия слой за слоем резали и сдирали поверхностную плоть, исследователь наклонился, хладнокровно наблюдая за тем, как сокращаются, бьются и дрожат мои мышечные ткани — каждое малейшее физиологическое движение фиксировалось ими с абсолютной точностью.

Лежавший рядом журнал экспериментальных записей то и дело перелистывали, в него вносили исправления, делали пометки, и шуршание кончика пера по бумаге отчетливо заглушало мое слабое дыхание.

Никого не волновала корчившаяся на столе мученица, никому не было дела до моих неконтролируемых, жестоких судорог от запредельной боли; пронизывающая насквозь агония захлестнула всё тело, каждый нерв безумно кричал, а из горла непрерывным потоком вырывались сдавленные, надрывные хрипы — полные беспомощности и отчаяния.

По ту сторону одностороннего закаленного стекла лаборатории стоял Куросава Дзин, наблюдая за всем со стороны.

Одежда на его груди была мятой, будто ее бесчисленное количество раз яростно сжимали в кулаках.

Этот подопытный занял его место.

А он с этого дня получил позывной Джин.

<http://bllate.org/book/21192/2145562>